

УДК 811-119, 811.521

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-2

В.М. Алпатов

Японская лингвистическая традиция XIX-XX вв. как синтез национальной традиции и влияния западной науки
(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н. В. Я. Порхомовского и д.ф.н. И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)

ФГБУН «Институт языкознания» Российской академии наук,
Б.Кисловский пер., 1/12, Москва 125009, Россия

E-Mail: v-alpatov@ivran.ru

ORCID id:0000-0003-4323-2832

Статья поступила 13 февраля 2020 г.; принята 20 марта 2020 г.;
опубликована 31 марта 2020 г.

Аннотация

В отличие от других неевропейских стран, создавших собственные лингвистические традиции, Япония сумела после европеизации достичь синтеза исконной традиции и европейской (включая американскую) науки. Самостоятельная японская традиция сложилась в период «закрытой Японии» в XVII-XIX вв., когда японские книжники обратились к изучению национальных элементов культуры, включая язык. Были разработаны методы изучения памятников с выявлением их графики и фонетики, впервые в стране начала изучаться грамматика, прежде всего, описывались спряжение и система частей речи. С середины XIX в. начался общий для всех культурных сфер Японии процесс европеизации, который затронул и науку о языке. Появились грамматики европейского типа, постепенно шло овладение европейскими методами. Однако многие традиционные способы описания сохранились. К концу XIX в., начиная с работ Оцуки Фумихико произошел синтез двух традиций. Окончательно он достиг завершения к 1930-м гг., прежде всего, в работах Хасимото Синкити, значительно повлиявших на развитие японской науки о языке; синтез также отражен в переведенной на русский язык грамматике Киэда Масуити.

В области изучения звукового строя языка японцы сохранили в качестве первичной единицы *он*; это слово буквально означает звук, но эта единица ближе к слогу, чем к звуку в европейском понимании, и еще ближе к выделявшейся в античной науке море: последовательности типа «согласный + гласный» рассматриваются как единый *он*, но слоги с долгими гласными, дифтонгами, конечнослоговыми носовыми считаются двумя *онами*. Тем не менее, было заимствовано и понятие фонемы. В грамматике первичная единица (*го*) отличается по свойствам от слова в европейском понимании, по крайней мере, в предикативных частях речи, хотя и в японской традиции независимо от европейского влияния были выработаны представления о словоизменении. От слова как базовой единицы словаря (*го*) уже в период европеизации была отделена минимальная единица синтаксиса (*бунсэцу*), представляющая собой знаменательное *го* вместе с примыкающими к нему служебными *го*. Классификация по частям речи в основе осталась традиционной, лишь

усложнившись за счет добавления наречий, местоимений и др. Синтаксис до европеизации в Японии не успел сформироваться, поэтому здесь влияние западной науки особенно ощутимо. Особенности японской лингвистики ощущаются и в области лексикографии.

Ключевые слова: японская лингвистическая традиция, западное языкознание, европеизация, синтез, Хасимото Синкити

Информация для цитирования: Алпатов В.М. Японская лингвистическая традиция XIX-XX вв. как синтез национальной традиции и влияния западной науки (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н. В. Я. Порхомовского и д.ф.н. И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N1. С. 12-19. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-2

Vladimir M. Alpatov

Japanese linguistic tradition of the XIX-XX centuries as synthesis of the national tradition and the influence of the western science
(Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 1 B. Kislovskiy Ln., Moscow, 125009, Russia

E-Mail: v-alpatov@ivran.ru

*ORCID id:*0000-0003-4323-2832

Received 13 February 2020; accepted 20 March 2020; published 31 March 2020

Abstract

Unlike other non-European countries that created their own linguistic traditions, Japan managed to achieve a synthesis of the original tradition and European (including American) science after Europeanization. The independent Japanese tradition developed in the period of the “closed Japan” in XVII-XIX centuries, when the Japanese scholars started looking into the national and cultural features including language. Special techniques for studying the literary works, bringing into focus their phonetics and writing, were developed, for the first time ever grammar was researched with the verb conjugation and speech categories in the first place. Since the mid-XIX century the Europeanization of all cultural areas in Japan has been under way, relating to the language science among others. European-style grammar descriptions emerged; European methods were gradually acquired. However, many traditional ways to describe grammar survived. In the late XIX century starting with Otsuki Fumikhiko’s works a synthesis of both traditions took place. It had reached its conclusion by the 1930s, primarily in the works by Hashimoto Shinkichi, which made an important difference to the formation of the Japanese language science. This kind of synthesis was reflected in Kieda Masuiti’s grammar translated into Russian.

Studying phonetics the Japanese kept *on* as the elementary unit. The word literally means sound, but this unit is closer to a syllable than a word as the European scientists see it; and even closer to a mora of the antiquity. The combinations Consonant + Vowel are considered to be a single *on*, while the syllables with long vowels, diphthongs, end-

of-syllable nasals are considered to be two *ons*. Nevertheless, the concept of the phoneme was also borrowed. In grammar the elementary unit *go* differs in its features from the word in the European sense of word, at least in predicates. Yet, The Japanese tradition independently from the European influence developed the idea of inflexion. In the course of Europeanization already the word as the basic unit of lexicon (*go*) was separated from the basic syntactical unit (*bunsetsu*), the latter being the content word *go* in combination with the auxiliary *go*. The classification of parts of speech basically remained traditional, with some minor additions such as adverbs, pronouns etc. The syntax in Japan before Europeanization had not been formed, therefore the effects of the Western language science here was particularly significant. The conventional Japanese language science reveals itself in lexicography.

Key words: Japanese linguistic tradition; western linguistics; Europeanization; synthesis; Hashimoto Shinkichi

How to cite: Alpatov V.M. (2020). Japanese linguistic tradition of the XIX-XX centuries as synthesis of the national tradition and the influence of the western science. (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow) *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 12-19, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-2

Введение. В последние столетия по всему миру проходит экспансия европейской науки, в том числе науки о языке. Восходящая к античности европейская лингвистическая традиция превратилась в мировую науку. Лишь отдельные фрагменты, заимствованные из арабской и индийской традиций, были включены в состав этой науки. Судьба других традиций оказалась различной. Индийская и арабская традиции продолжают существовать, не смешиваясь с европейской наукой и почти не развиваясь. В Китае наука о языке в основном европеизировалась, сохраняя национальные черты лишь там, где национальная традиция была более развитой: в изучении иероглифики и до некоторой степени в лексикографии. Особая ситуация, однако, сложилась в Японии, где вполне можно говорить о синтезе национальной и европейской традиций.

Основная часть. Самостоятельная японская лингвистическая традиция – одна из самых поздних в мире: она начала складываться в XVII в. и окончательно сложилась в XVIII в. До того времени японские исследователи исходили из положений китайской традиции. Составлялись словари, изучались иероглифы. Однако

зачатки самостоятельного подхода уже проявлялись в связи с установлением орфографических норм для национальной азбуки – каны. Историю тогда еще не самостоятельной японской традиции см. (Алпатов 2011, 70-82).

В начале XVII в. Япония более чем на два столетия закрылась для внешнего мира, в том числе и для Китая. В этот исторический период ряд японских книжников обратился к изучению собственной, не заимствованной из Китая культуры. Однако ввиду сильнейшей культурной экспансии Китая в предшествующий период они смогли лишь два вполне исконных элемента культуры: синтоистскую религию и язык. Поэтому языку стало придаваться большое значение, тогда впервые появилось его профессиональное изучение. В XVII в. сложилась национальная школа исследователей *кокугаку*. См. о ней: (Kokugogaku 1961; Алпатов, Басс, Фомин 1981; Алпатов 2011, 82-96).

Японский язык того времени, наряду с исконными компонентами, также обладал большим количеством китайских по происхождению заимствованных элементов: из Китая иероглифика, а вместе с ней и

значительная часть лексики, преимущественно книжной. Школа *кокугаку* игнорировала эти элементы и обратилась к исконным сторонам языка, в том числе к грамматике, лишь в малой степени китаизированной. Также изучалась и японская азбука *кана* (тогда, как и сейчас, использовавшаяся в двух вариантах: *хирагана* и *катакана*): хотя она была производна от иероглифов, но была создана в Японии и основывалась на чуждых Китаю фонетических принципах.

Учёные школы *кокугаку* досконально изучили орфографию *каны* в памятниках IX-XII вв., считавшихся наиболее престижными, и обнаружили, что она была последовательной в отличие от орфографии более позднего времени. Некоторые учёные, в том числе крупнейший языковед того времени Мотоори Норинага (1730-1801), сделали из этого верный вывод о том, что до XII в. орфография отражала реальное произношение того времени, а позднее ряд прежних фонетических различий исчез. Восстанавливая последовательно историческую орфографию, они тем самым восстанавливали и историческую фонетику (рассматривая при этом старое произношение как «правильное», а новое произношение как «искажённое»).

Главной заслугой школы *кокугаку* было создание грамматики. В Китае ввиду изолирующего строя языка такого жанра описания не существовало, а явления, которые можно было бы рассматривать как грамматические, описывались в словарях (существовали особые словари «пустых», то есть служебных слов). Для японского языка, имеющего агглютинативный строй с элементами флективности, такой подход не был удобен. С середины XVIII в. появляются обширные, иногда многотомные грамматики, где описывалась японская морфология (объектом описаний был старописьменный язык, бывший в то время одним из языков культуры наряду с японизированным китайским).

Основными темами исследований были глагольное спряжение и система частей речи.

Разные учёные предлагали разные точки зрения, но к середине XIX в. выработался определённый канон, который, как будет показано ниже, повлиял и на дальнейшее развитие японской лингвистики. Синтаксис как особая область исследований сложиться не успел.

Первая грамматика, написанная Цурумине Сигэнобу по европейскому (голландскому) образцу, появилась в 30-е гг. XIX в., но активное освоение европейских лингвистических сочинений (сначала школьных, потом и научных) началось после «открытия» Японии в 50-60-е гг. XIX в. С этого времени в Японии шло активное освоение западной культуры и науки, прежде всего, англоязычной. В области лингвистики начались попытки применить к японскому языку европейский терминологический аппарат и европейские лингвистические понятия, не всегда адекватно. Однако очень скоро японские языковеды начали применять эти понятия и (обычно скалькированные) термины к традиционным взглядам.

Первым лингвистом, последовательно стремившимся к синтезу, был Оцуки Фумихико (1847-1928). Законченный вид такой синтез получил в XX в., в период между двумя мировыми войнами, прежде всего, в работах Хасимото Синкити (1882-1945), оказавших значительное влияние на японское языкознание. Отрывки из его сочинений 1930-х гг. представлены в хрестоматии (Языкознание 1983, 42-75). Под сильным его влиянием также написана изданная в русском переводе грамматика Киэда Масуити (Киэда, 1958-1959) (оригинал – 1937 г.). В этих работах уже описывался и современный язык.

В области звукового строя языка к этому времени в Японии уже познакомились с европейской фонологией и ввели не имевшее аналогов в японской традиции понятие фонемы, но не отказались от традиционных представлений. То, что мы привычно считаем фонемой, представляет собой уточнение восходящего к античности понятия звука (гласного или согласного). Однако в японской традиции представления

несколько иные, что отражено у Хасимото. Вот фрагмент из его книги в переводе В.И. Подлесской. Сразу отмечу, что принятый в данной хрестоматии перевод японского термина *он* как *слог* мне сейчас не представляется точным. Как заметил Е.Д. Поливанов (Плетнер, Поливанов 1930, 148), эта единица, осознаваемая японским языковым мышлением, не равна ни фонеме, ни слогу, но сходна с морой в античной науке. Слоги из гласного и согласного (или одного гласного) составляют целый *он*, но слог с дифтонгами, долгими гласными, конечнослоговым носовым (других закрытых слогов в японском языке почти нет) состоят из двух *онов*. Слово *он* буквально значит «звук»; как и русское *звук*, это слово может обозначать речевые и неречевые звуки.

Хасимото писал: «Например, звучание таких слов, как *яма* ‘гора’, *хана* ‘цветок’ *цуки* ‘луна’, *мацури* ‘праздник’, *хари* ‘игла’ членится на *я-ма*, *ха-на*, *цу-ки*, *ма-цу-ри*, *ха-ри*. Если сравнить эти элементарные единицы между собой и соотнести с нашими собственными звуковыми образами, то мы признаем, что *ма* в *мацури* и *ма* в *яма* – это один и тот же звук, так же, как *ха* из *хана* и *ха* из *хари*, *цу* из *цуки* и *цу* из *мацури*... , но *я*, *ма*, *ха*, *на*, *цу*, *ни*, *ри* и т.д. – это разные единицы... Единицы типа *ма*, *я*, *ха*, *на* называются слогами. В японском языке членение на слог, подобное приведенному выше, провести нетрудно. Однако можно членить слог на более мелкие единицы... (*танъон*) (членение *я* на [y.a], *ма* - на [m.a]... и т.д. Это членение уже трудно провести без специальной подготовки» (Языкознание 1983, 61). Хасимото также указывает, что термин *танъон* соответствует термину *фонема*.

Исконно здесь первичной единицей был *он*, выделявшийся в школе *кокугаку* и даже раньше. Этой единице (не слогу в европейском понимании), как правило, соответствуют и знаки *каны*. Характерно, что Хасимото, говоря о членении на *оны*, использует *хирагану*, а используя чужеродное для традиции понятие фонемы, вынужден переходить на латинскую транскрипцию.

Строй японского языка с очень простой слоговой структурой приводил именно к таким выводам об элементарных единицах. Поэтому японцы, познакомясь с латинским письмом после открытия страны в середине XIX в., испытывали трудности с его использованием даже в середине XX в.: исконно согласные звуки они выделять не умели. Но японская традиция сумела найти место и фонеме и «звуку» (море). Сейчас, когда латинская письменность стала в Японии привычной, звуковые представления, вероятно, изменились, однако традиционное выделение фонетических единиц сохраняется.

В области грамматики японские авторы, по-видимому, исходя из психолингвистических представлений, обладали собственным представлением о базовой единице (уже в период европеизации окончательно получившей именование *го*), сопоставимой с этой точки зрения с европейским словом; эти единицы, в частности, записывались в словарях. Однако по собственно лингвистическим свойствам *го* не всегда совпадают со словами, выделяемыми, исходя из собственной традиции, российскими и западными японистами. Особенно это заметно для спрягаемых частей речи: глагола, предикативного прилагательного и связки, обладающих сложной морфологической структурой.

В некоторых отношениях (без какого-либо прямого влияния) здесь японская традиция имела сходство с европейской. Среди *го* выделялись простые и сложные; понятие, аналогичное морфеме, отсутствовавшее в исконной традиции, во времена Хасимото уже существовало. Однако в качестве сложных *го* рассматривались лишь сложные и производные слова, а простые *го* считались минимальными значимыми единицами, хотя в предикативных частях речи с европейской точки зрения они могут члениться на морфемы. Ср. *ёму* ‘читаю, читаешь...’, *ёми* ‘читаю’, *ёмэ* ‘читай!’. Для японской традиции это были целые *го*, где последние *оны* могли заменяться друг на друга, не выделяясь как сегменты. Это точно

совпадает с античной и средневековой трактовкой словоизменения (сам этот термин происходит отсюда).

Но предикативная парадигма не сводится только к этим формам. К единицам вроде *ёму, ёми, ёмэ* могут добавляться другие грамматические элементы со значением залога, отрицания, вежливости (точнее, этикета) и др. В системе предикативных частей речи такие единицы, с европейской точки зрения, являющиеся аффиксами, у японских грамматистов издавна считались отдельными служебными *го*. Это членение сохранилось и в XX в. и является преобладающим и сейчас.

Хасимото писал, что если грамматические аффиксы присоединяются нерегулярно и непредсказуемо, то служебные *го* присоединяются ко всем *го* данной части речи (Языкознание 1983, 72-75). Критерий Хасимото очень похож на критерий регулярности А.А. Зализняка (Зализняк 1967, 24-26), но тот использовал его для разграничения словообразовательных и словоизменительных классов, а Хасимото – для разграничения аффиксов и служебных слов. В системе имени, в целом агглютинативной, деривационные элементы, присоединяемые нерегулярно, рассматривались как аффиксы, а грамматические элементы – как служебные *го*.

Таким образом, понятие знаменательного *го*, полностью не совпадающее ни с одной из единиц европейской науки, ближе всего к тому, что в русистике называется основой слова; однако некоторые аффиксы (например, *-у, -и, -э*) рассматриваются как ступени чередования в знаменательном или служебном *го*. Надо учитывать, что на формирование такого подхода, безусловно, повлияло то, что, как отмечено выше, последовательность «согласный + гласный» считается в японской традиции нечленимой.

Поскольку служебные *го* не обладают синтаксическими функциями, то Хасимото выделил, наряду с *го*, другую единицу – *бунсэцу* (буквально «сустав предложения»). Она до XX в. в Японии не выделялась, но

стала после его грамматик общепринятой (пробелами в тех редких случаях, когда они используются для японского языка, например, в детских книгах, выделяются именно *бунсэцу*). В состав этой единицы входят знаменательное *го* и все примыкающие к нему служебные *го*. Если бы такой подход применялся к русскому языку, то надо было бы единое «*бунсэцу*» на столе делить на три *го*: *на, стол', э*. Впрочем, именно так выделял «семасиологически-морфологические слова», делимые затем на морфемы, И.А. Бодуэн де Куртенэ (Бодуэн 1904, 535). Так что подход, сходный с японским, существует и в европейской науке, однако не является преобладающим.

В Японии в эпоху *кокугаку* самостоятельно была выработана система частей речи для *го*. Они выделялись по двум признакам: самостоятельности – несамостоятельности, изменяемости – неизменяемости. Среди знаменательных *го* выделялись изменяемые предикативы и неизменяемые имена (разграничивались они и по семантике), среди служебных *го* – изменяемые (с европейской точки зрения, большинство глагольных аффиксов и связки) и неизменяемые (последологи, частицы). Предикативы рассматривались как объединение трёх частей речи: глаголов, предикативных прилагательных и так называемых «адъективных глаголов», совмещающих (прежде всего, в старописьменном языке) глагольные и адъективные свойства. Японские глаголы и предикативные прилагательные играют одинаковую роль в предложении, нестрого разграничиваются по семантике, но различаются по морфологическим свойствам. Адъективная парадигма сужена по сравнению с глагольной парадигмой, а общие по значению и функции элементы материально различны.

Такой классификации было достаточно в период до европеизации, позднее она несколько видоизменилась под влиянием европейской классификации. Но она больше всего затронула периферию, а не центр. Крупный класс имён разделен, помимо

класса собственно имён (существительных), на классы местоимений, наречий, иногда числительных. Но добавились и ещё две части речи, отсутствующие в большинстве европейских исследований.

Во-первых, это так называемое приименное – неизменяемое *го*, не сочетающееся ни с какими служебными *го* и выступающее в функции определения. В некотором смысле это аналог наречия, но подчинённый не глаголу, а имени (слова со значением «некоторый», «всевозможные» и пр., отличные в японском языке неизменяемостью от прилагательных). Впрочем, даже для русского языка М.В. Панов предлагал выделять «аналитические прилагательные»: *стоп*, *чудо* в составе *стоп-кран*, *чудо-печь* (Панов 1999, 152-162).

Во-вторых, это ещё один класс неизменяемых знаменательных слов, название которого соответствует английскому *conjunction* и переводится у нас как *союз*. Но в данном случае мы имеем дело с реликтом ошибочного понимания английского термина. Союзы – служебные слова продолжают включаться в состав неизменяемых служебных *го*, а к данному классу относятся знаменательные *го*, способные образовать предложение (ср. русс. *однако*), которые в европейской японистике включаются в число наречий. Особых оснований для выделения этого класса в отдельную часть речи нет (в отличие от предыдущего класса), но по традиции он сохраняется.

В основе же классификация частей речи остаётся неизменной с конца XVIII века. В случае выделения существительных, глаголов, прилагательных она имеет сходство с тем, что принято в европейской традиции (хотя прилагательное оказывается предикативной, а не именной частью речи). Однако классификация служебных слов оказывается несопоставимой с европейской классификацией, прежде всего, за счёт несовпадения слова и *го*.

Менее всего о синтезе можно говорить в области синтаксиса, поскольку японская

традиция не успела к моменту европеизации выработать синтаксические понятия. Но при его формировании в первой половине XX в., хотя влияние западных синтаксических концепций было значительным, традиционный подход мог где-то проявляться. Если в европейской науке чаще всего минимальной единицей синтаксиса обычно считается слово (а не, например, сочетание существительного с предлогом), то в японской традиции такая единица – *бунсэцу*.

Отметим и особенности японской лексикографии, которая с IX в. активно развивалась, первоначально под китайским влиянием. До сих пор, по крайней мере, в больших по объёму словарях, помещается лексики японского языка на протяжении всей его письменной истории (с VIII в.). В Японии так и не освоили трудное для понимания и четко не сформулированное понятие имени собственного, и имена, фамилии и географические названия свободно включаются в словари.

В современной Японии рассмотренные выше подходы уже не всегда являются общепринятыми, могут использоваться и концепции западной, особенно генеративной грамматики. Очень мало традиционные подходы используются в описании языков, отличных от японского, где чаще всего исходят из подходов, принятых в соответствующей стране (это относится и к японской русистике). Однако синтез традиций, сформировавшийся у Хасимото и др., во многом сохраняется, преобладая в учебной литературе и в литературе по областям лингвистики, где данные проблемы не существенны (например, по социолингвистике), но распространён и у лингвистов, занимающихся теорией языка.

Заключение. Японская традиция к моменту европеизации ещё не закончила свое формирование и тем более не законсервировалась, как другие, сформировавшиеся ранее традиции, и, видимо, поэтому смогла развиваться столь оригинальным образом.

Список литературы

Алпатов В.М. Языковая культура // История японской культуры. М.: Наталис, 2011. С.66-98.

Алпатов В.М., Басс И.И. Фомин А.И. Японское языкознание VIII-XIX вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука, 1981.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т.81. СПб., 1904. С.529-548.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Киэда М. Грамматика японского языка. Тт.1-2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958-1959.

Панов М.В. Позиционная грамматика. М.: Языки русской культуры, 1999.

Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. М.: Московский институт востоковедения, 1930.

Языкознание в Японии. М.: Радуга, 1983.

Kokugogaku (1961). Japanese Linguistics. Tokyo.

E`nciklopedicheskiy slovar` Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary], v. 81. (p.p.529-548). SPb., 1904, (in Russian).

Zaliznyak, A. A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Inflection]. Moscow: Nauka, Russia (in Russian).

Kieda, M. (1958-1959). *Yaponskaya grammatika* [Japanese Grammar] V. 1 -2. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. Russia (in Russian).

Panov, M. V. (1999). *Pozicionnaya grammatika* [Grammar of positions]. Moscow: Languages of Russian Culture. Russia. (in Russian)

Pletner O. V. and Polivanov E. D. (1930). *Grammatika yaponskogo razgovornogo yazy`ka* [Grammar of Spoken Japanese]. Moscow: Moscow Institute of Oriental Studies. Russia (in Russian).

Yazy`koznanie v Yaponii [Linguistics in Japan] (1983). in Aplatov (ed.) Moscow: Raduga. (in Russian).

Kokugogaku (1961). Japanese Linguistics. Tokyo.

References

Alpatov, V. M. (2011). Language culture, in Aplatov V.M. (ed.) *Istoriya yaponskoy kultury* [The History of the Japanese Culture]. (pp. 66-98) Moscow: Natalis, Russia (in Russian).

Alpatov, V. M., Bass I. I. and Fomin A. I. (1981). Linguistics in Japan in VIII – XIX centuries. In Desniczkaya A.V and Kacznel`son S. D. *Istoriya lingvisticheskix uchenij. Srednevekovy`j Vostok* [The History of Linguistic Theories]. (pp.262-299) Medieval East. Leningrad: Nauka

Baudouin de Courtenay, I. A. (1904). *Yazyk i yazyki* [Language and Languages]. in

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, ФГБУН «Институт языкознания» Российской академии наук

Vladimir M. Alpatov, Dr.Sc. in Philology, Professor, Lead Researcher, Institute of Linguistics RAS